

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Фисенко Анны Борисовны на тему «Диалог в поэтическом тексте как проявление идиостиля (на материале лирики В. Полозковой)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 — русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

Библиография научно-критических работ, посвященных творчеству Веры Полозковой, насчитывает уже не менее ста позиций, однако среди исследований, обращенных к жанровой специфике, субъектной структуре, пространственно-временной организации, ономастикону, языковой игре и т. д., диссертация Анны Борисовны Фисенко едва ли затеряется, поскольку призвана дать комплексное представление об идиостиле «диалогических» стихотворений поэта. Рассмотрением их под одним углом зрения и с единых методологических позиций как раз и определяется, на наш взгляд, научная актуальность работы; научную новизну исследования обеспечивают частные наблюдения соискателя, касающиеся структурных особенностей, адресованности и речевой стилизации диалогов у В. Полозковой, а также функционирования в них отдельных, стилистически маркированных элементов (например, окказионализмов или заимствованных слов). Достоверность полученных результатов обусловлена серьезной эмпирической базой: материалом анализа стали тексты, вошедшие в авторские сборники «Непоэмание» (2008), «Фотосинтез» (2010) и «Осточерчение» (2013), — всего порядка 270 стихотворений. Недоумение вызывает разве что игнорирование А. Б. Фисенко произведений автора, опубликованных после 2013 г. и вошедших в книгу «Работа горя» (2021), заслуживающее обоснования: значит ли это, что диалогические стихотворения в ней отсутствуют? или они устроены принципиально иначе, чем в ранних сборниках, и потому не вписываются в предлагаемую исследо-

вательскую модель? Как бы то ни было, представленная к защите диссертация является достаточно убедительным и абсолютно самостоятельным научно-квалификационным сочинением, отдельные положения которого хотелось бы вынести на обсуждение.

Прежде всего, внимания заслуживает уже набор исследовательских задач (а всего их десять), поскольку именно ими, как это обычно бывает, определяется и композиция диссертации, и конкретные процедуры, способствующие достижению цели. В работе А. Б. Фисенко он, с одной стороны, свидетельствует о скрупулезности и обдуманности каждого предпринятого хода (неслучайно предметом рассмотрения оказываются самые разные аспекты диалога), с другой стороны, представляется явно избыточным и не вполне релевантным объекту анализа. Так, четвертая и пятая задачи — «Проанализировать творчество В. Полозковой в оценке современных литературных критиков», «Определить место поэзии В. Полозковой в ряду современных литературных направлений и тенденций» (с. 5–6) — были бы целесообразны, соотносись они с проблемой диалога у заявленного автора. Можно было бы показать, какие грани данной проблемы уже отрефлексированы критиками и литературоведами, выявить зависимость (если таковая существует) между диалогической интенцией поэта и его вписанностью в разнящиеся литературные контексты. Этими возможностями А. Б. Фисенко почему-то пренебрегает, что приводит к бросающемуся в глаза композиционному просчету: неясно, с какой целью включена в работу и как связана с другими двумя вторая глава (а именно в ней решаются названные задачи). В остальном логика диссертации не вызывает нареканий: в первой и третьей главах компактно и внятно излагаются как методологические предпосылки исследования, так и сделанные соискателем микрооткрытия, которые, вне сомнения, будут востребованы полозкововедами.

К числу достоинств работы отнесем опору автора на достаточно широкий круг лингвистических и литературоведческих источников. В ходе их квалифицированного обзора А. Б. Фисенко справедливо разграничивает по-

нения «диалог» и «диалогичность», выделяет, руководствуясь разными критериями, многообразные виды диалога (например, внутритекстовый — разворачивающийся между персонажами, и внетекстовый — обращенный от лирического субъекта к читателю), характеризует его специфику в зависимости от родовой принадлежности произведения, в которое он инкорпорируется. Однако базовая для работы категория, идиостиль, определена, на наш взгляд, не вполне удачно — как «совокупность фактических и формальных языковых характеристик, присущих произведениям конкретного автора» (с. 32). Из такого определения не ясно, какие характеристики языка следует считать «фактическими», а какие — «формальными» и что означает то и другое. Попутно А. Б. Фисенко оговаривается, что с позиций лингвистики идиостиль характеризуется «своеобразием выбора языковых средств», тогда как для литературоведения важнейшими его параметрами, наряду с языковыми особенностями, будут «композиция... сюжет и способы его развертывания, литературное направление, к которому можно отнести писателя, и т. п.» (с. 34). Если сказанное в отношении литературоведения справедливо, не стирается ли граница между идиостилем и поэтикой, в поле зрения которой находятся те же самые категории?

Концептуальным «ядром» аналитической главы диссертации выступает исследование структурно-семантической организации диалогов в лирике Ползковой. Убедительно доказывается, что в произведениях поэта представлены как внутритекстовый, так и внетекстовый виды диалога, причем зачастую это «неполные диалоги с инициальной репликой», то есть «квазидиалоги» (с. 57), учитывающие, однако, предполагаемую реакцию адресата. Сомнительны, впрочем, некоторые примеры, иллюстрирующие, с точки зрения А. Б. Фисенко, явление внетекстового диалога, при котором высказывание строится как прямое обращение к читателю. Так, цитируемое в работе стихотворение «Беда» — «Беда загонит себя в тебя / И вышибет разом дух. // Ты пропадать станешь черти где, / Бутылки сметать с лотка, / И братья бросят тебя в беде — / Настолько она сладка» (с. 60) — не предполагает эксплици-

рованного адресата, соотносимого с читателем, а ввиду его отсутствия любое лирическое высказывание (и личные местоимения второго лица здесь едва ли показательны), может прочитываться как внетекстовый диалог. Вместе с тем то же стихотворение куда органичнее интерпретировать как автокоммуникацию, в рамках которой «я» видит себя со стороны, как до конца не объективированного «другого», который приобретает — в силу универсальности транслируемого опыта — общечеловеческие черты, а потому не сопротивляется и отождествлению с читателем.

Положительной оценки заслуживают и разделы, посвященные адресованности в «диалогических» текстах Полозковой, а также их художественным, главным образом языковым, особенностям. А. Б. Фисенко выделяет целый ряд адресатов в лирике поэта, среди которых «мама», «возлюбленный», «толпа», «Бог» и др. Признавая этот перечень исчерпывающим, вынуждены отметить, что разделу местами ощутимо недостает интерпретационных выводов. Приведем лишь два резюмирующих суждения соискателя, говорящих, как нам кажется, сами за себя: «Мама — значимый человек в жизни практически каждого. Диалог с ней — в какой-то степени исповедь для лирической героини» (с. 67); «Отношения с толпой у лирической героини Полозковой <...> натянутые. Чаще она противостоит толпе» (с. 69). То же можно сказать и о наблюдениях, сделанных над языковыми особенностями стихотворений: А. Б. Фисенко безошибочно идентифицирует в текстах не только метафоры, сравнения, эпитеты, гиперболы, олицетворения и т. д., но и требующие эрудиции отсылки к стихотворениям В. Маяковского и И. Бродского. Однако едва ли не каждое из обнаруженных явлений можно встретить у любого поэта — и вовсе не обязательно современного. В чем же тогда идиостилевая специфика лирики Полозковой? Возможно, она заключается в предпочтении одних языковых средств — другим (например, тропов, организованных по принципу сходства, — тропам, организованным по принципу смежности) — но подобные умозаключения должны опираться на данные количественного анализа, который в инструментарий А. Б. Фисенко не входит. Наконец, от-

сутствует в работе и ответ на вопрос, в какой мере разнятся стилевые параметры «диалогических» и «недиалогических» стихотворений поэта — или выявленные языковые особенности универсальны?

В заключение — несколько соображений, касающихся неучтенных в диссертации методологических контекстов, обращение к которым могло бы снять многие из заданных вопросов. Во-первых, это труды по исторической поэтике, в частности фундаментальные исследования С. Н. Бройтмана «Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура)» и «Поэтика книги Бориса Пастернака “Сестра моя — жизнь”», основывающиеся на представлении о диалогической природе лирики и специфическом — на фоне инородовых форм — характере диалога в ней. Во-вторых, это труды смоленской филологической школы, прежде всего монография И. В. Романовой «Поэтика Иосифа Бродского. Лирика с коммуникативной точки зрения», а также кандидатские диссертации «Система лирической коммуникации в книге И. Бродского “Новые стансы к Августе”»: структура, модели, стратегия» Я. Ю. Двоенко и «Поэтический мир Татьяны Бек» Т. А. Матаненковой, в которых с опорой на математическую статистику исследуются особенности и формы лирической адресации. В-третьих, это лингвистические работы в области стилистики, например широко известная статья М. Л. Гаспарова «Идиостиль Маяковского. Попытка измерения» или монография О. Г. Ревзиной «Безмерная Цветаева. Опыт системного описания поэтического идиолекта», предлагающие аппарат, позволяющий не только дать «инвентарную опись» языка поэта, но и выявить его индивидуально-авторские «приметы». Ни одно из упомянутых исследований в списке использованной литературы не значится — и это лишь наиболее существенные библиографические лакуны.

Сделанные замечания не умаляют научных достоинств работы А. Б. Фисенко; это завершённое исследование, результаты которого имеют теоретическую и практическую значимость, открывая новые грани в творчестве одного из малоизученных современных поэтов. Содержание авторефе-

рата соответствует основным положениям диссертации, а опубликованные статьи (7, в том числе 4 — в журналах, рекомендованных ВАК РФ) отражают ее содержание. Таким образом, диссертация представляет собой научную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны положения, совокупность которых можно квалифицировать как значимое научное достижение, имеющее важное социальное и культурное значение, что соответствует требованиям п. 9, п. 10, п. 11, п. 12, п. 13, п. 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, в действующей редакции с изменениями и дополнениями), а ее автор, Анна Борисовна Фисенко, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

11 мая 2024 г.

Официальный оппонент — доктор филологических наук (специальность 10.01.01 — русская литература), доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Бокарев Алексей Сергеевич

Подпись А.С. Бокарева удостоверено

Начальник управления по кадровому и организационному обеспечению

Л.В. Коняева
14.05.2024

Коняева Л.В.

Контактные данные: 150000, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». Тел.: +7(4852) 30-56-61; e-mail: rector@yspu.org.